

Хроника современной литературы

Александр Уланов

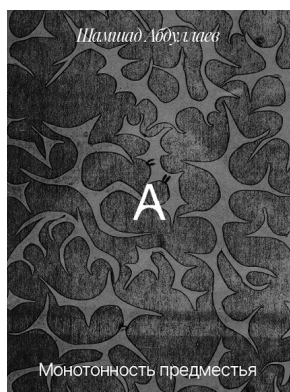
Начиная со стойкости

DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_304

Абдуллаев Ш. Монотонность предместья / Предисл. К. Корчагина

М.: ОГИ, 2022. — 109 с.

В 1992 году книгой Шамшад Абдуллаева «Промежуток» была начата книжная серия «Митинового журнала». И через тридцать лет книга Абдуллаева вновь первая в поэтической серии проекта «Флаги». Возможно, в поэзии Абдуллаева содержатся некоторые необходимые исходные элементы? Может быть, один из них — внимательность. Замечать, как стрекоза резью блестит в щели стены. Как из чайного пара и жеста появляется фигура. Причем это внимательность не только глаза и слова, но и жеста. У Абдуллаева «речь, движение и зрение работают сообща», — отмечает К. Корчагин в предисловии к книге¹.

Другой — рефлексия, то, что А. Скидан в предисловии к книге Абдуллаева «Неподвижная поверхность» охарактеризовал как «сознательный подход к своей работе»². Но также сознательная отстраненность, уход на периферию. Упомянутый текст Скидана называется «Житель окраины». В центре — гнет империи и демонстративной злободневности.

Третий — может быть, стойкость. В тексте памяти Аркадия Драгомощенко Абдуллаев говорил о важном типе бескомпромиссности: «...не столько обжигающие образцы построения фраз... сколько безошибочное попадание в нулевую восприимчивость материала, где, вероятно, и произрастает жизнь

- 1 Корчагин К. Тюрьма яркого дня // Абдуллаев Ш. Монотонность предместья. М.: ОГИ, 2022. С. 6.
- 2 Скидан А. Житель окраины // Абдуллаев Ш. Неподвижная поверхность. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 5.

и куда допускаются грезёры с колоссальным самообладанием»³. «С возрастом приходит смелость безразличия» (с. 10), — которой у Абдуллаева и ранее было немало. Спокойное восприятие удушающей действительности. Вот ночь, улица, фонарь, аптека в варианте Абдуллаева:

пахсовый домик старого керосинщика,
хлев, телеграфный столб времен партсъездов,
урючина, дувал и стиб арычной воды.

(С. 76)

Все то же, и никакие перерождения из этого не выведут. Даже родной голос — такая же гибель, как от уличной поножовщины, и если спасает — только от самоубийства. Но самообладание дает возможность выстоять в «антихронотопе, взаиморазвоплощении времени и пространства»⁴, как пишет о том, с чем имеет дело поэзия, и Абдуллаев в том числе, Г. Заломкина. А еще раньше об этом сказал Рильке в конце реквиема графу Вольфу фон Калькройту: «*Wer spricht von Siegen? Überstehn ist alles*» («Кто говорит о победах? Выстоять — это все»).

Стойкость требуется тем более, что катастрофа усиливается. Спокойное место — психиатрическая лечебница (с. 19), настолько в большей степени сошло с ума то, что ее окружает.

Весть, ощутимая прежде любых объяснений и вестников (с. 12), — возможно, безнадежность. И/или то, что ничто так и не произойдет, не случится. «Никого напротив дувала // потому что их нет» (с. 13) — «ни певца ни прекраснобутого путника». Мир после похорон. «Уже на плечах унесли чужанина» (с. 17), — а герой стихотворения всё стоит. Связанное со смертью — один из лейтмотивов новой книги Абдуллаева. Похороны, кремация, саван, морг, вплоть до дахмы, башни молчания, места погребения у зороастрийцев (с. 17, 23, 54, 63, 67, 73—75, 81, 88). Это неподвижность — но скорость там еще хуже, это скорость проталкивания и заглатывания. Не получится отвлечься, не видеть опасных марионеток. Мир вокруг оказался слишком угнетенным — и терпимым к угнетению («сегодня саранча послушанья седлает без слов // твою росу повсюду, вокруг», с. 83). К яркому свету, лишаящему человека приватности, личности. Мир безнадежно просвечен, нигде нет тени, чтобы рассечь его свет. «Где много смерти, там еще больше рождений» (с. 82), — но так лишь поддерживается бессмысленное круговращение. Покой хватает за горло (с. 59), крылья — только тиски, сжимающие тело (с. 46). В книге есть почти притча, в которой путешествия, воспоминания и пируэты лягушки заканчиваются в пасти змеи. Из чего, однако, совершенно не следует, что в безнадежности нет разницы между Рамоном Луисом Алонсо или Кейпо де Льяно (испанскими политиком и генералом, причастными к смерти Гарсия Лорки) — и неким пше-ничнокожим эллином. На грани смерти и жизни хорошо видно и то, и другое.

«Для Абдуллаева “срединное” — это как раз пограничное, то, что соединяет два разных мира (в его случае — Восток и Запад) и является средоточием

3 *Абдуллаев Ш.* О Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2013. № 121. С. 241.

4 *Заломкина Г.* Вне опала: экзистенциальный опыт спокойствия в русской и итальянской поэзии XXI века // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 237.

окраины»⁵. Это место оказалось разрушено — Восток перевесил. Он не трансформировался под влиянием Запада, а, наоборот, затащил в себя то, что вроде бы в сторону Запада развивалось. Остается честно признать тупик — и следовать за бликами на его стенах (с. 22). Блик — другой лейтмотив книги (с. 11, 22, 28, 102). Нечто свободное и подвижное, не влипающее в глину.

Абдуллаев был и остается человеком средиземноморской культуры. Ясность, логика, стоицизм, свобода, готовность к пути и готовность к смерти — то, о чем писал в «Морском кладбище» Поль Валери. Первое видение Средиземноморья входит еще без слова «средиземноморье» (с. 71), в умении замечать необычность обычного, как

бульжник лежит на правом ребре,
будто на крайне корявой и
неудобной изготовке перед
шевелением, будто постоянно
укрощаемая неподвижность возле
сломанной ветки бурой.

(Там же)

«Оно всюду хранится, Средиземноморье, даже здесь» (с. 36), в удаленной на тысячи километров от любого моря ферганской полупустыне, — в кунжутных зернах, в сорняках, но Абдуллаев вспоминает и «Пиршество джиннов», новеллу узбекского писателя Абдуллы Кадыри. Хранится во внимательности взгляда — и в работе писателя. Фергана именно полупустыня, а не пустыня. Усилием человека и воды там что-то может появиться. Камень оказывается черепком древнего города Ахсыкета, тысячелетие назад снабжавшего высококачественным металлом весь Ближний Восток. Тростник высекает вихрь около своего стояния. И человек плетет из травы или делает из нее бумагу. Между двумя пустырями все же есть проход. Через него выдох — и путь к чему-то еще (с. 43).

Время не просто вывихнуло сустав, но оказалось в петле. Дуб «тогда еще // не родившимся сегодня срублен» (с. 80). Есть соблазн покончить с собой в этой петле — взрослый желает перерезать горло себе спящему семилетнему, каким он был более полувека назад (с. 58). Абдуллаев вспоминает и одновременно рассчитывается с памятью: «память не грех, на пользу, // но после она обернётся // “спячкой кротов, униженьем, // растущим, как плесень”» (с. 28). Среди ферганской каменной тишины кто-то в семнадцать лет писал в дневнике о Вирджинии Вулф, Фолкнере и Прусте, а видя сумерки — думал, не из «Вильгельма Мейстера» ли они? Да, в этом было много искусственного, демонстративного. Но обернулось ли это поражением, если стало умением видеть, личным взглядом, стилем?

Стиль продолжает меняться, что видно даже по внешним признакам. Соответствуя фрагментированности мира, уменьшается средняя длина стихотворения, разброс ее все больше (в книге 2003 года наименьшая длина стихотворения — 6 строк, наибольшая — 93, теперь разброс от 3 до 303). В более концентрированных текстах меньше повествовательности, больше доля не представимого зрительно, вроде «ели падаль узкого места» (с. 16). У Абдуллаева, классика русского верлибра, появилась рифма, например в конце стихотво-

5 Ермошина Г. На стороне молчащих // Знамя. 2013. № 7. С. 220.

рения «Поздней весной» или в начале текста «Болезнь Меньера». Возможно, потому, что наличие рифмы столь же мало принципиально, как ее отсутствие (один из возможных приемов, не более того). Несмотря на очень богатый словарь, где русский язык дополнен и тюркскими, и итальянским, Абдуллаеву не хватает слов, и появляются неологизмы («смотреливство», «взвеерь», с. 80, 103).

Фергана, из образов которой Абдуллаев по-прежнему выходит только в области кино и литературы, — это и родина, и проклятие. «Сейчас я не могу сказать: “когда не на что смотреть, сразу начинается самое интересное приключение”» (с. 85), — потому что способность человека извлекать смыслы из ничего не безгранична, и в заголовке этого стихотворения Абдуллаева стоит (хоть почти не упоминается в нем) Грац, город в Австрии, полный иных смыслов, чем Фергана, — и все же, видимо, более полный. Ограниченность подчиненной среднеазиатской жизни и есть ограниченность, как человек ей ни противостоит. Свет утра сиял для 11-летнего подростка в 1969 году у горной речки под бирюзовым небом, а теперь читателю предлагается идти к этому сиянию по мосту Мирабо на фотографии Робера Дуано. Но окном в небо, к сиянию, запахла и глина (с. 44). Вечны и сопровождаются эпитетом бога («хувва-лабаки», «кто один только вечен») бред пыльцы, циновка из пепла. Но ведь и они — проявления бога. Невозможно жить без непредставимого. Однако культура полна уклонений. Племянник композитора Чайковского — военный губернатор Ферганской области, жестоко подавивший восстание 1898 года против царских чиновников.

Насколько Рим Абдуллаева, в который ему удалось попасть в 2015 году благодаря стипендии Фонда Бродского, отличается от кинематографического и литературного? Городок Ното в Сицилии остался у Абдуллаева, как в фильме, в местах, забытых ногой — в реальности сейчас этот городок во всех путеводителях представлен как «жемчужина сицилийского барокко». Италии, где журнал футуристов «Лачерба» расхотел тиражом 25 тысяч экземпляров преимущественно среди рабочих, тоже уже нет. Впрочем, и «в Фергане не осталось сугубо ферганских мест» (с. 29), происходят унификация, размывание. Дорогие места гибнут. «Чек-Шура — название некогда цветущего, идиллически-фермерского предместья, где сегодня находится бетонное здание городского морга» (с. 88). Как возможно противодействовать этому? Сохраняя личную жизнь, личный взгляд, несмотря ни на что?

Человек продолжается, пока смотрит: «только смотрение состоит повсюду из // одного продолжения сплошь» (с. 20). Кинематограф напоминает, что люди — в промежутке между одной мировой бойней и другой мировой бойней. «Время, скорее, походит // на залежи невозникшего» (с. 34), потерянных возможностей. Город — «мягкость, послушание, медленность жестов, угасшая сопротивляемость, анашизация апатии» (с. 87). Собственная жизнь уходит в (туманное?) прошлое.

В конце шаганий — чинная четкость вещей (с. 95), однако не ее ли устраивает не знающий оттенков жесткий ферганский свет? Жизнь — не четкость и не чинность, чинно идет похоронная процессия. Как выжить среди соседей, полагающих, что «правда в силе» (с. 92)? Как выжить — то есть происходить — в монотонности, где ничего не происходит? «Как раз с этого места // ты виден весь» (с. 20). В головокружительности перемен нужно не лвиное сердце, а крепкий вестибулярный аппарат (с. 29). Кажется, что герой Абдуллаева будет воспринимать и ситуацию, где его казнят, как кадр из фильма.

Монотонно предместье, но и город таков же. Значит, город — тоже предместье чего-то иного, большего? В долине гораздо меньше земли, чем неба, — поэтому есть смысл соотноситься более с небом, чем с землей. Хотя алтарь этого неба таков, что к нему можно поставить фотографию кинорежиссера. В фильмах замечаются промельки, которые, может быть, укрытия. В дальнейшем — не звучность кастаньет, а похоронная мягкость савана. Однако и пыльную впадину Абдуллаев рассматривает как простор (с. 73). Так Гамлет чувствует себя повелителем бесконечности, даже если его заключат в скорлупу ореха. Сожаление не столько о забывании чего-то, сколько о забывании мысли о необходимости помнить. О пробеле в рефлексии. Прошлому — наперсток для раскопок, а не трубный глас воскрешения (с. 67). Важен тот (и то, как старая фотография), кто/что может сберечь отдельность, непохожесть, «открытые настежь карие глаза» (с. 78). В одном перечне человек и будда, пес и булыжник. При этом одновременно мир держится различием: «одно и то же, // но всегда разное одно и то же» (с. 39). Абдуллаев всегда в начале и знает это: «...начало, дящееся в начале, в середине и в конце с неизгладимой и бессрочной одинаковостью», — писал он о принятых для себя правилах в 2013 году⁶. Дым сигнальных костров передает весть о нападении врага. «Не каяться, но просто // признать свою вину» (с. 40). И пыль покрывает запекшуюся кровь.

6 *Абдуллаев Ш.* Визуальная проза для окрестного ландшафта // *Абдуллаев Ш.* Приближение окраин. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 133.